

КОЛЬЦА

ОСЕНЬ ВЬЮНКОВ

Жёлтое, скоротечное, время отсекования листьев продвигается на другую сторону земли, грузное, оно скрипит упавшей листвой. Но прежде чем уйти, оно взбирается по стенам, крепится к ним завитками усиков и озаряет печальные вьюнки. Они весь год ждут его прихода, ведь оно одевает их в креп и бронзу. И когда удаляется осень, тогда и вспыхивают вьюнки, исполненные радости, напоенные последним и безнадёжным воскрешением. Время полнится отчаянием, всё движется к смерти. А ты развешиваешь на отсыревших стенах мрачную верхолазную оснастку. Недвижные синие пауки, фиолетовые и жёлтые рубцы, окровавленные медали, магазин игрушек для северных ветров. Здесь ветру придётся исчерпать свои порывы, здесь воде из облаков придётся довести до конца твою задачу.

Уже улетели птицы, совершив своё певчее предательство, и забытые флаги развеваются на источенных стенах. Ужасная пойма цвета сырого кирпича начинает затягиваться водой, и одиночество становится всё глубже и глубже. Бесконечным водам, по которым влачит зима, не остановить твою беззвучную поступь. Маленькие листья, как птицы на прибрежном песке, вы собираетесь вместе, чтобы лучше было умирать; пришёл час низвергнуть ваши гнёзда, пришёл час кружиться, вздымать пыль и танцевать на холодных дорогах. Одеревеневшие стебли, прочные швартовы, этот корабль снимается с якоря. Паруса изодраны в клочья, разбита задумчивая фигура на носу, путь её бегства пролёг через все времена года. Продолжайте теснить это тело, которое не может существовать среди ваших ледяных змей. Этот корабль никогда не вернётся; тот, что удалился, возвращается в обмен на затраченное время и усердие. Время солнца никогда не принесёт с собой эти же листья к этим стенам. Новые покажутся в подмышках, притаившись, как изумрудные пчёлы, и раскроются с младенческим лепетом. И никогда, никогда не вернётся разбитый корабль, он бежит на юг, и фигура на его носу опутана печальными вьюнками. Его погоняет ветер, его поторапливает дождь, он уходит морской стезёй, и его след засеян жёлтыми птицами.

РЕКА ИМПЕРИАЛЬ НА ЮГЕ

Гул моря отражается от небосвода; зелёная спина вспыхивает неожиданными блёстками; хлопают неистовые опахала; рокот отдаляется и возвращается вновь; колокола синих волн обнажают одинокий берег и обрушиваются на него; морская гимнастика внушает отчаяние летящим птицам и вселяет страх в женские сердца. Океанский простор, волнение сумеречных вод, отступление и натиск неисчислимых

движений; странник, разлучённый с каменным берегом и разрушающий его, вздымая свою кровь на высоты твоего безграничного чувства!

Он распростёрся вдоль твоей сцены, и твоя соль вкупе с твоей прозрачностью возносятся выше его лба; твои хоры протянулись напротив его глаз; твоё одиночество бьётся в его сердце, твои призывы бьются в его глубине, как отчаявшиеся рыбы в рыбацком неводе.

День взволнованно сверкает оружием над движением моря, попрыгунчики воды играют с песчаным полуостровом, огромные растянутые шнуры сгрудились в кучу, они внезапно прячут свои влажные нити, и слышится плеск последней волны, когда она догоняет саму себя.

Таинственная воля, настойчивая множественность моря, свора гончих псов, осуждённая рыскать по планете, есть в тебе что-то темнее ночи и вместительнее времени. Ты несёшься вдогонку желтеющим дням, воздушным вечерам, звёздам, встающим над долгими зимами побережья, ты обрушиваешься на утёсы и бухты, ты бьёшься своими бешеными водами о берег, не знающий покоя,— о, океанское море безмерных зелёных ветров и шумных просторов.

Порт громоздится штабелями в бухте, брызги красных крыш перемежаются пустырями, мы вдвоём с моей подругой разглядываем издали его ожерелье из белых облаков, наклеенное на ультрамарин прилива. Дальше видны участки соснового леса, и ещё дальше — горные контрфорсы; воздух сияет чистотой любви; чайки кружат над речной пеной, моя подруга то и дело показывает мне на них, и я смотрю в направлении её руки на синеющую заводь и старые причалы.

Мы стоим на палубе небольшого судёнышка, пронзительный холодный ветер дует в лицо, женский голос сливается с печалью аккордеонов; речной простор отликает серебром, и извилистые берега, к которым спускаются южные холмы, заросли пустоцветом. Глубокое, молчаливое русло манит к себе; вечер изумляет многократным эхом, летящим от берега к берегу над поверхностью воды, течение которой прерывает размышления путешественника. Невозделанные поля сухо блестят под закатным солнцем; в тени мрачного утёса парусная шляпка улыбается двумя белыми огнями; по берегам внезапно становятся видны отдельные дома, вечер делается огромным, и над носовой частью корабля скрещиваются крики вещей попугаев.

Причалы Карауз с их толстыми деревянными брусьями, со сходнями для пассажиров; я вновь и вновь узнаю твои разбитые доски, вспоминаю дни детства в тени мокрых деревянных построек, которые облизывала и обёртывала чёрно-зелёная вода.

Когда мы вдвоём скрываемся в вагоне обратного поезда, старые дни всё ещё окликают кого-то, и им не чинит преград очерствевшее сердце, возмнившее, что всё осталось позади.

ВЕСНА В АВГУСТЕ

Магазин утренних игрушек, нынче роса упала на сверкающие венчики цветов. Ах, весна! Ты забрезжила в солнечных призмах, и вот я вижу, как ты устремляешься вверх внутри каждой вещи! Я буду говорить с тобой на моём языке потаённых смыслов, из глубин моей радости, когда завершится эта самозабвенная печаль. Ты возвращаешь

гиацинты, ты даруешь душу голубым бабочкам. Весна в августе, идущие по дороге приветствуют тебя! Ты восходишь на холмы моей страны, ты сбрасываешь свои одежды над бледностью дорог, и лесная чаша благоухает страстью. О, эти запахи, радость моего сердца! Балдахины из жёлтого шёлка, киоски для торговли пряностями, расставленные на землях Юга, где так легко поётся, они всплывают на каждой излучине, словно забытые канделябры. О, эти цветочные запахи в 500 тысяч вольт, наивные, напряжённые, сливающиеся в общий оркестр!

Ах, весна, кто, кроме тебя, может увенчать розовыми крыльями сонные персиковые деревья? Нет сомнения, это ты наполнила свой фартук сладким застенчивым ароматом черешневой кроны! И ещё я слышал на дорогах, над телеграфными проводами, пение птиц! А ещё — зимние крыши и дождевые канавы перекрашивают свой хмурый мох в жёлтый цвет.

За всеми вещами находишься ты, весна, и вот ты начинаешь выводить на сырой поверхности, пальчиками шаловливой девчушки, безумный алфавит возвращающегося времени.

ПОХВАЛА ЛУЧШЕМУ ДНЮ

Лучший день начинается ещё до рассвета, завершается уже после захода солнца. Лучший день расцветает первыми стрелами среди ночных губок, и вот он, твой лучший день, как добрый товарищ, что стоит посреди дороги.

Этот день возвещает приметы радостного времени, но нет никого, кто сумел бы собрать их воедино. Кто сможет прочесть письма звёзд на наборной доске? Никто не задержит тебя, чтобы расшифровать мельчайшие знаки, привлекающие к себе внимание на улицах. И ты не выпытаешь, какова была роза последних ветров.

Какой отличный, глубокий, радостный день! Ты поднимаешь флаг на самую верхушку мачты зари, а затем появляешься сам, улыбочивый воин. Ты стряхиваешь росу с только что пробудившихся колосьев. Твой луч расцветивает плоды и расправляет крылья заблудившихся пчёл. Что может сравниться с этим жёлтым цветком на дне оврага, если его охраняют твои пальцы, такие искренние?

Распростёртое, открытое небо; невысокая девушка, неторопливо идущая среди запахов листвы. Выдыхаемый воздух не выцветает, сохраняя в вышине свой настоящий фиолетовый цвет. В посёлке (о, прозрачная провинция!) в первый раз пробуют бронзовый колокол, на покупку которого всегда не хватало средств, и лодочник с бедняцкого берега собирается плыть среди влажных морских изумрудов под парусом, ожидающим своего корабля. Маленькая, моя маленькая, это день прогулок, когда не надо грустить, и на твоей груди, за чопорным платьем, набухают два упругих белых бутона. Добрый друг, далёкий товарищ, драгоценнейший юнга, сегодня ты получишь письмо, которое принесёт тебе радость: Герарду стало лучше, пьянице Томасу есть где жить. Федерико, Хуанита, все довольны. В этот день рабочие не разочаруются в празднике, и даже слегка разволнуются, слушая крики малышей. Этим тихим днём в бедняцкой хижине распустится цветок, и в разрушенный дом, где висят одни пауки, на рассвете или на закате войдут двое влюблённых, потерявших надежду на пристанище.

ПРОВИНЦИЯ ДЕТСТВА

Провинция детства, с романтического балкона я разворачиваю тебя, как веер. Как обычно, прежде чем покинуть улицы, я проверяю, насколько они опустели. Городок, скованный всесилием сна, ты воспрял от своего недвижимого существования. Широкие неторопливые шаги по замшелому берегу топчут траву и землю, и с каждым шагом оживает страстная детская любовь. Сердце моё, сматывающее в тугой рулон недавно выкрашенное небо, одно лишь ты умело швыряться камнями, прогонявшими ночь. Ты выросло здесь, вскормленное одиночеством, одолеваемое одышкой, шагающее, шагающее по заброшенным посёлкам, чтобы поведать им о том, что было давно, чтобы облачиться в одежды забвения. Но как огромна и темна твоя тень, провинция моего детства. Огромна и темна твоя деревенская тень, её целует холодный и выцветший северный ветер. Но таковы и твои солнечные дни, неисчислимы, хрупкие; когда время встаёт из сырой глубины и раскачивается, как колос. Ах, ужасная зима, когда вода поднялась высоко, когда мама и я дрожали на неистовом ветру. Расточаемый скорбью и щедростью, дождь падал со всех сторон. Загудели, зарыдали позабытые в лесу поезда. Дощатый дом скрипел в объятиях ночи. Ветер скакал верхом, распахивал окна, стучался со всех сторон; отчаянный, жестокий, убегающий к морю. Но зато — какие ясные ночи, добрые дни календаря, какое тёмное небо, оправы великолепных звёзд. Я был влюблён, я водил за руку по медленным тропинкам сеньориту с огромными глазами, в сумерках и на незабвенных рассветах. Как не вспомнить всего, что было когда-то сказано. Умопомрачительные поцелуи, плывущие цветы, наперекор тому, что всё когда-нибудь кончается. Ребёнок, стоявший лицом к лицу с ураганом и поглощавший пищу, прикрывая свой рот горькими крыльями, сейчас он поддерживает тебя, влажная и молчаливая страна, как большое дерево после бури. Провинция детства ускользает в тайные часы, о которых никому не известно. Край одиночества, причалив к мокрым от недавнего дождя мосткам, я представляю тебя своей судьбе как убежище для того, кто вернулся.

ОДИНОЧЕСТВО ПОСЁЛКОВ

Океанической ночью лают приبلудные псы, заводят своё хоровое пение водяные крысы, и этот рокот воды, и это дыхание бытия растягиваются и прорываются сквозь громкий гомон ветров. Так наступает ночь, порывы ветра швыряют её от берега к берегу, она как обруч из тёмных металлов, наброшенный с севера на колокольни юга.

Уединённый рассвет, до полудня качающийся на волнах, словно лодка на привязи, в одиночестве посёлка он становится вечером синих крыш, большим белым парусом исчезающего корабля.

Напротив моих окон, позади фруктовых деревьев, за домами и за рекой, три холма подпирают спокойное небо. Бурые и жёлтые тона, прямоугольники пашни и посевов, проезжие дороги, заросли кустарника, отдельные деревья. Обширный склон, на котором колосится пшеница, до самой вершины расчерчен однородными волнами.

В пейзаже появляется дождь, его ниспадающие нити перечёркивают все части неба. Я вижу, как склонили свои головы крупные золотые подсолнухи, и как темнеет

холмистый горизонт, когда на него падает дрожащая тень. Дождь идёт над посёлком, вода танцует между крайними домами Койлако и стеной холмов; вихрь пронесётся по крышам, врывается в усадьбы, на игровые площадки; рядом с рекой, между кустами и камнями, непогода наполняет поля печальными призраками.

Дождь, сердечный товарищ мечтателей и отчаявшихся, закадычный приятель бездельников и домоседов, заставь своих стеклянных бабочек взмыть над металлами земли и разбей их на мелкие осколки, пробегись по реям и мачтам, усыпь звёздами жилища и крыши, истреби желание действовать и приди на помощь одиночеству тех, кто сидит у окна, испросив твоего присутствия, подпирая лоб руками. Мне знакомо твоё неисчислимое лицо, я узнаю тебя по голосу, я — твой часовой, я просыпаюсь по призыву твоего ужасающего урагана, и продолжаю спать, когда ты идёшь по дорогам и кровлям домов, позвякиваешь докучливыми колокольцами, омываешь пыль с ночных плодов и скрываешь под толщей воды пути своих быстротечных и бесчувственных странствий.

Тяжёлые капли повисли, как плоды, на ветвях среди мокрых листьев; пахнет сырой землёй и жимолостью; я открываю наружную дверь, ведущую к вывороченным сливам, и шагаю под мокрыми зелёными ветвями. Над головой внезапно появляется небо, похожее не дно моей голубой чашки, только что омытое дождём; поддерживаемое ветвями, оно выглядит угрожающе хрупким. За мной увязалась собака, вся в каплях воды, точно какое-то растение. Она отряхивается дождиком около кукурузной делянки и огибает шеренгу подсолнухов, которые незамедлительно склоняют к моей груди свои большие кокарды.

Потрясающий день, ты появляешься после, когда становится ясно, что вода скрывается бегством, и ты скрытно преследуешь ураган, мчишься по направлению к холмам и подбираешь два золотых кольца, потерянных кем-то в поселковой луже.

Вот аллея эвкалиптов, вот огромные лужи, до краёв заполненные ароматом зимы. Нестерпимая боль, тяжкий груз, который я согласился тащить на себе. Одиночество вокруг меня огромно, лучи подбираются к окнам, и поезда рыдают вдали, прежде чем выйти на равнину. Существует слово, способное объяснить тяжесть этого часа, оно нашло путь к печальным эвкалиптам, и маленькие звёзды задрожали в темнеющих лужах.

Вот и ночь опустилась на холмы Темуко.

ВЕЧЕР

Вечер заполняется влюблёнными, это порт, из которого начинается путешествие по ночным океанам, о тебе возвещают колокола посёлков, и сумеречные цветы открывают тебе дорогу. Вечер, исполненный ностальгии, твой несносный такелаж и гигантский таинственный рангоут водружены над головою путешественника, жёлтая наковальня смотрит в зенит, и на её вспотевшем лбу проступают длинные перечни разлуки. Ты — огромный цирк под бесконечным тентом, и голубые женщины громко стучат по солнечному металлу до тех пор, пока не появятся горящие трапеции. Представление до сих пор не началось, в окнах офисов всего мира зажётся свет, и в глубине твоих

истощённых вод закипает сомнение, погаснут ли когда-нибудь огни под твоим куполом.

И тогда ты повелеваешь птичьим шайкам, не имеющим своего пристанища, с плачем пролететь над смутными толпами, и они немедленно разлетаются, заполняя одиночество полей, а высвободившееся место тотчас же наводняется гладкокожими летучими мышами. Ты выпускаешь из деревенских печей стаи ночных бабочек тёмно-красного цвета, и теперь даже несчастный узник сможет разглядеть свою часть представления через решётку из шести неумолимых прутьев.

Поднимается выцветший занавес, и ты прикрепляешь к заднику твоего обширного балагана фигуру неопределённых очертаний. Первым делом ты достаёшь большие золотые кольца и привязываешь их к длинным тросам. Серебряные лодки уверенно проходят между сверкающими препятствиями, вёсла поднимаются и опускаются, и нет нужды ставить паруса. По дорожке проносится лошадь с чёрными крыльями, и выбежавшая на арену амазонка вскакивает на неё одним прыжком.

Хор глухих волн слышен далеко за пределами твоего побережья, горько и ненасытно звучит твоя песнь. Его звучание, управляемое притяжением луны, поднимается и обрушивается на невидимые статуи, высеченные из кусков соли, и звенят их непрочные стеклянные формы, и миру достаётся неизменный мусор, и отдалённые водопады погребают себя в водах далёких рек. Между двумя ударами литавр проносятся обрывки ветра, приносящего и уносящего шум солёного побережья. Из огромных корабельных котлов складывается этот ропот, из повторяющегося плеска воды, из звёздного блеска волн, из океанского прилива, из голосов пассажиров будущего кораблекрушения, он — приход и уход, бегство и возвращение твоего шумного эха. Тем временем на арене карлики отцепляют трапеции, и зелёные одеяния амазонок изменяют цвет и исчезают. Канатные плясуны растянулись от края до края, на заднем плане неторопливые жёлтые паяцы заменяют латунь на пурпурные мячи; клубки спутанной проволоки, знамёна и знаки отбоя свалены в кучу, освещаемую тревожными лучами сигнальных ракет.

Вечер, в твоём шатре затаилась звериная ярость, по ту сторону арены видны прямые прутья клетки, и от близкого рычания запертых львов пропадает звучный голос морского хора.

Вечер, заполненный влюблёнными, час ностальгии, твой грозный отблеск ложится на парки, их целуют предательские уста, и запоздалые пешеходы поднимают забрала, чтобы получше разглядеть твой обширный спектакль.

Но тут твои фигуры как-то сразу мутнеют, и прибой великих морей рассыпается на мелкие брызги.

Праздник истощился. Идущий на убыль, он уже не больше фонтана, не больше лезвия ножа, не больше масляной дорожки среди изобильных вод.

И теперь, когда день окончательно и бесповоротно угас, печальный и чёрный вечер прекращает раздувать меха скорби, преклоняет колени и простирает свои большие ладони над караванами неистовой ночи.

ИСЧЕЗНОВЕНИЕ ИЛИ СМЕРТЬ КОТА

У жизни тоже имеются свои наивные и недоступные тайны: смутный шум непрестанной жатвы, вечное исчезновение зелёных и горьких грецких орехов, падение спелых и ароматных груш, и вот высыхает прозрачная соль, исчезает или умирает кот Марии Соледад. Всё в нём, вплоть до кончика хвоста, имело своё предназначение, его шкуру покрывал чёрно-белый узор, а сам он был привычной и одушевлённой формой, расхаживавшей на четырёх мягких лапах, обнюхивавшей холодную враждебную тьму, издававшей негромкое урчание, расположившись на ковре в мистической позе.

Кот незаметно растворился в воздухе, никто не отметил его в солнечной ведомости, прежде чем её поглотили сумерки, ни разу не мелькнул его хвост из гибкого дерева, не вспыхнули в тёмных углах дома шляпки его зелёных зрачков.

А вот и Мария Соледад, в клетчатом фартуке, она поводит глазами так, будто играет в кости, и размышляет о любимых местах своего кота, о его бегстве или смерти, в которой она никак не повинна, Мария Соледад, ей тоже трудно стоять на страже, с широко открытыми глазами. Кот пропал несколько дней назад, и с тех пор она ни разу не улыбнулась, будто окраска кота могла свернуться кольцом от её жидкой улыбки. Ночью их мог бы ошеломить блеск луны, он шёл бы у её ног, они ходили бы ночным дозором, рядом с долгими часами одиночества; но в это время Мария Соледад была далеко за закрытыми веками, она брела по странам и весям, под мостами и небесами, никуда не приходя, нигде не поставив свой сон на якорь, недвижная Мария Соледад, и только блестящие зрачки твоего кота отпугивают от тебя удивительных бабочек. Неожиданно он объявился здесь, рядом со старой мебелью, в своей подлинной нищете, в своей реальности мёртвого животного, и ты опять начинаешь плакать, Мария Соледад, твои падающие слёзы образуют озерца, и эти рыдания, исторгнутые единственной смертью, слышны вдали от балкона несбыточных снов.

T. L.

Сердце, уверовавшее в Песню Сольвейг, исхлёстанное ароматами и расставаниями, оно сжимает в руке стеклянные бусы; грустное, расставившее бесконечные силки, преследующее пробудившихся на заре птиц, отдирающее от ночной стены багряные завитки улиток, чтобы лучше слышать, и ошеломляющее своими гулкими раскатами, огромное сердце, поднявшее паруса и якорь; мой приятель, мой дорогой товарищ с широкой улыбкой, я вижу, как оно развешивает сигнальные флаги на мачтах, как оно в неспешной тоске пишет на палубе свои ностальгические числа; мой дружище, снаряжение которого включает в себя чёрную бутылку, нож и одиночество глубоких сетей. Вскоре наступает рассвет, вот оно рядом со мной, совсем рядом, рядом со мной оно распевает свои звучные напевы; быть может, пустые чаши кроют его выражение лица; быть может, я увижу хотя бы его парадный портрет, с прекрасным обнажённым телом и поднятым забралом, когда оно блещет радостной силой, без наводящего тоску чёрного креста на груди. Его душа сложена из неподвижных квадратов, они ломаются, воспроизводя звуки одних и тех же клавиш; а может, она похожа на шоссе с недостроенными станциями, ведущее к далёким континентам; а может статься, мы

бросаем на дно уходящего дня наши досужие разговоры, словно монеты той страны, которую нам настало время покинуть. Именно здесь ищет отдохновения сердце, этот паук из ночных металлов, сомнамбулический джаз-банд и похороненная невеста; глубокой ночью, расцвеченной чёрными светляками, я положу ей на лоб поспешную розу. Теперь, когда мы наконец-то признали друг друга, дорога поворачивает, и смуглая рука Пабло угадывается в бледной руке Тома, они выходят из тоннелей, и солнце освещает и притягивает к себе дрожь их ладоней. Он и я, оба такие жалкие, мы опять трясём на землю тяжёлые яблоки, и всё это ночью, ночью, но вот таинственные небесные паруса обращаются в бегство, и тут я внезапно перестаю понимать, о ком из нас двоих я говорю.

ПЕЧАЛЬ

Засыпает маяк Илелы, и внизу под остекленевшими фонарями море раздвигает небесные пространства, и повторные отзвуки уносятся на запад, а наверху я вижу только что сооружённый ангар для падающей росы. В моей руке вырастает дикий цветок, и я думаю о дочери смотрителя маяка, Меле, которую я так любил. Могу сказать, что её присутствие всякий раз лишало меня речи, я делался таким же безмолвным, как раковины на этом берегу. Это всё ещё ночь с её пугающими пустотами, она высиживает птенцов и мелкую рыбу во всех неводах. Расстояние между её глазами и её ртом равно двум крепким и долгим поцелуям, запечатлённым на хрупком фарфоре. Ночь с бледным, как циферблат, лицом, и она тоже, бедная Меле, из её рук выплывает ещё не остывшая луна, как птица из клетки. Чёрные воды ведут свой разговор, накатываясь и переворачиваясь, рыдания их тёмного оркестра достигают отдалённых стен, южные ночи не дают заснуть бодрствующим часовым, они перемещаются гигантскими синими прыжками и ворошат небесные бриллианты. Скажу, что я помню её, что я её помню; чтобы не нарушить рассвет, я пришёл босиком, и прилив всё ещё не отступил от её глаз. Улетают в далёкие края птицы её смерти, птицы зимы и металлов.

ВОЗЛЮБЛЕННАЯ МЛАДШЕГО ЛЕЙТЕНАНТА

Блеск чёрных очей Кармелы (Hotel Welcome, напротив префектуры) проглядывает в блеске оружия младшего лейтенанта. Вечером он спустился с седла и лёг ничком, не разомкнув рта. Его сердце разграфлено на чёрные и белые квадраты, словно шахматная доска дней и ночей. «Однажды я уйду отсюда», — поют поезда, идущие с севера и с юга, и на боковых ветках. Ветер полнится птицами, проволочные изгороди — листьями, улицы — людьми.

Чтобы познакомиться с ней (Hotel Welcome, налево по коридору), достаточно положить в рот разноцветную пчелу. Зима мокрых стёкол, её бледный веер.

В столкновениях с повседневными препятствиями найдётся что утратить. Локон, воспоминание, что-то потеряно. Эта безмолвная любовь, как болезнь.

Скорбные призраки, черепицы и клавиши, они позволяют зимней воде стекать по фасаду дома. И всё же зеркало привлекало её внимание по утрам. Заря потихоньку

подталкивала нерешительный пейзаж. Она поднималась по краю зеркала, приводя в порядок свои воспоминания. Я знаю на этом континенте одну печальную женщину, из её сердца вылетают птицы, зима, холодная ночь. (Hotel Welcome, дом из кирпичей.)

Она — чёрное пятно рядом с младшим лейтенантом. Прочее — её бледный лоб, роза на ночном столике. Он так и лежит ничком, временами почти неразличимый.

Перевод Андрея Щетникова